

**МАРИО
ПЬЮЗО
СИЦИЛИЕЦ**

Москва
2019

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
П96

Mario Puzo

THE SICILIAN

Copyright © Mario Puzo, 1969

Оформление А. Саукова, Ф. Барбышева

Иллюстрация на обложке Ф. Барбышева

Пьюзо, Марио.

П96 Сицилиец / Марио Пьюзо ; [пер. с англ. Н. Изосимовой, Т. Кудрявцевой, О. Васильева]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-103606-5

Роман знаменитого американского писателя Марио Пьюзо «Сицилиец» принято считать продолжением «Крестного отца» — ведь в нем рассказывается о судьбе Майкла, младшего сына Дона Корлеоне.

Действие происходит на Сицилии, в последние годы правления Муссолини. Главный герой Сальваторе Гильяно борется за независимость Сицилии и сицилийского народа. Майкл должен помочь ему выехать в Америку, но из-за предательства друга все идет не так, как было запланировано...

Эта книга о дружбе и вражде, любви и ненависти, сицилийском законе омерты и бесконечной вендетте. Роман позволяет читателю без риска для жизни заглянуть в святая святых мафии.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Изосимова Н., Кудрявцева Т.,
Васильев О., перевод на русский
язык, 2015
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103606-5

Посвящается Кэрол

Книга I

МАЙКЛ КОРЛЕОНЕ

Глава 1

Майкл Корлеоне стоял на длинном деревянном причале в Палермо и наблюдал, как большой океанский лайнер отправлялся в Америку. Ему предстояло отплыть на этом корабле, однако от отца поступили новые инструкции.

Он помахал на прощание людям в маленькой рыбацкой лодке, которые привезли его на этот причал, — людям, охранявшим его все эти годы. Рыбацкая лодка плыла по белесому следу за кормой океанского лайнера, словно храбрая маленькая уточка за матерью. Люди на ее борту помахали в ответ — он их больше никогда не увидит.

По причалу сновали рабочие в кепках и мешковатых штанах, они разгружали корабли, загружали грузовики, стоявшие на длинном причале. Эти жилистые, небольшого роста люди в приплюснутых, прикрывавших лица кепках походили скорее на арабов, чем на итальянцев. Среди них были и его новые телохранители, которые обеспечат его безопасность до того, как он встретится с доном Кроче Мало, *Caro di Carì*, главою мафии. Здесь, на Сицилии, их именуют «Друзьями друзей». Для газет всего мира они — мафия, но на Сицилии слово «мафия» никогда не слетает с уст рядовых граждан. Так же, как никогда не скажут про дону Кроче Мало «*Caro di Carì*», а только — «Добрая душа».

Во время своей двухлетней ссылки на Сицилии Майкл слышал много рассказов о доне Кроче, иной раз

настолько фантастических, что в существование такого человека верилось с трудом. Однако полученные от отца инструкции были недвусмысленны: ему приказано отобедать с доном Кроче сегодня. Они должны договориться о побеге с Сицилии известного разбойника Сальваторе Гильяно.

Майкл Корлеоне не мог уехать с Сицилии без него.

Не далее чем в пятидесяти метрах от причала на узкой улочке стоял большой черный автомобиль. Перед ним маячили трое — они казались темными прямоугольниками на фоне ослепительного полотна солнечного света. Майкл направился к ним. На минуту остановился, чтобы закурить сигарету и взглянуть на город.

Палермо раскинулся на дне чаши, образованной когда-то действовавшим вулканом, с трех сторон его окружали горы, а с четвертой он вырывался к ослепительной голубизне Средиземного моря. Город мерцал в золотых лучах сицилийского полуденного солнца. По земле словно змеился красный свет — казалось, это следы крови, пролитой на сицилийской земле за многие столетия. Золотые лучи солнца ласкали величественные мраморные колонны греческих храмов, стройные мусульманские минареты, причудливую вязь на фасадах испанских соборов; на склоне далекого холма виднелась мрачная зубчатая стена древнего норманнского замка. Наследие самых разных и жестоких военных правителей на Сицилии можно обнаружить еще и с более ранних, предшествовавших Рождеству Христову времен.

Там, дальше, за стенами замка, остроконечные горы держали чуть изнеженный Палермо в смертельном объятии, словно они вместе молитвенно преклоняли колени, натянув веревку, туго обмотанную вокруг шеи

города. В вышине бесчисленные красноватые ястребки носились по хрустально-голубому небу.

Майкл направился к трем мужчинам, ждавшим его в конце причала. На черных прямоугольниках стали выделяться лица и фигуры. С каждым шагом он различал их все четче, а они как бы расступались, расходились, словно хотели при встрече окружить его со всех сторон.

Все трое знали историю Майкла. Знали, что он младший сын великого американского дона Корлеоне, Крестного отца, чья власть простиралась даже на Сицилию. Знали, что Майкл убил полицейского в Нью-Йорке, расправляясь с противником империи Корлеоне. Знали, что из-за убийства ему пришлось бежать и скрываться на Сицилии и что теперь наконец, когда вопрос «улажен», он намеревается вернуться домой и занять место принца-наследника в семействе Корлеоне. Они смотрели на Майкла, на то, как он быстро и легко движется, как все осторожно оглядывает, какой у него изможденный вид человека, знавшего и страдания, и опасность. Он, безусловно, был достоин уважения.

Когда Майкл сошел с причала, первым его приветствовал священник в сутане, обтягивавшей пухлые телеса, и в фетровой грязной шляпе. Белый воротничок священника припорошен был рыжей сицилийской пылью, но лицо над ним выглядело по-мирски упитанным.

Отец Беньямино Мало, брат великого дона Кроче, держался застенчиво и благочестиво, он был предан своему прославленному родственнику, ни разу не смутившись, что носит дьявола у самого сердца. Недоброжелатели намекали, что он передает дону Кроче даже тайны исповедей.

Пожимая руку Майкла, отец Беньямино нервно улыбался и, кажется, был приятно удивлен, вздохнув с об-

легчением при виде дружелюбной улыбки Майкла, совсем не походившей на улыбку убийцы.

Второй поздоровался не столь сердечно, хотя и достаточно вежливо. Это был инспектор Фредерико Веларди, глава тайной полиции всей Сицилии. У единственного из троих на лице не сияла приветственная улыбка. Он казался худым и слишком хорошо одетым для человека на государственном жалованье. Холодные голубые глаза выдавали его родство с норманнскими завоевателями. Инспектор Веларди не испытывал никакой любви к американцу, убившему высокопоставленного полицейского. От такого и на Сицилии можно ожидать чего-нибудь в том же духе. Веларди пожал Майклу руку, словно скрестил шпаги.

Третий был выше ростом и крупнее — рядом с двумя другими он казался огромным. Цепко обхватив руку Майкла, он притянул его к себе и заключил в объятия.

— Брат Майкл, — сказал он, — добро пожаловать в Палермо. — И посмотрел на Майкла дружелюбным, но настороженным взглядом. — Я — Стефан Андолини, мы с твоим отцом вместе росли в Корлеоне. Я ведь тебя в Америке ребенком видел. Помнишь меня?

Как ни странно, но Майкл помнил. Ибо Стефан Андолини — редчайший случай для сицилийца — рыжий. Это было его проклятьем, поскольку сицилийцы считают рыжим Иуду. Да и лицо его невозможно было забыть. Рот — огромный, неправильной формы, с толстыми губами, похожими на куски мяса с кровью, над ним — волосатые ноздри и глубоко сидящие глаза. Хоть он и улыбался, его лицо наводило на мысль об убийстве.

При взгляде на священника Майкл сразу понял, что к чему. Но присутствие инспектора Веларди его удивило. Андолини, выполняя родственные обязанности,

старательно объяснил Майклу официальный статус инспектора. Майкл насторожился. Что он здесь делает? Веларди считался одним из самых беспощадных охотников за Сальваторе Гильяно. Инспектор и Стефан Андолини явно не любили друг друга; они вели себя с подчеркнутой вежливостью — словно люди, готовящиеся к смертельной дуэли.

Шофер открыл дверцу машины. Отец Беньямино и Стефан Андолини, слегка похлопав Майкла по плечу, заставили его сесть сзади. Отец Беньямино с христианским смирением настаивал, чтобы Майкл сел у окна, а он — в середине, так как Майкл тогда сможет увидеть красоты Палермо. Третьим на заднее сиденье сел Андолини. Инспектор уже успел вскочить в машину рядом с шофером. Майкл заметил, что он держит ручку двери, чтобы можно было моментально ее открыть. В голове Майкла мелькнула мысль: вероятно, отец Беньямино забрался в середину, чтобы не стать мишенью.

Машина, словно большой черный дракон, медленно пробиралась по улицам Палермо. Вдоль проспекта стояли элегантные дома в мавританском стиле, массивные общественные здания с греческими колоннами, испанские соборы. Частные дома, выкрашенные голубой, белой, желтой краской, на фасадах — балконы, свешивавшиеся с них цветы образовывали над головой как бы еще одну дорогу. Это было бы прелестное зрелище, если б не отряды карабинеров — итальянской государственной полиции, — которые стояли на каждом углу с винтовками на изготовку. Карабинеры находились и наверху, на балконах.

Их машина явно выделялась среди повозок, особенно сельских, запряженных мулами, в основном везших свежие продукты из деревень. Повозки эти — каждая деталь их, вплоть до спиц и оглобель, — были выкраше-

ны в веселые, яркие цвета. На боковых стенках многих из них — изображения рыцарей в шлемах и королей в коронах: сцены из легенд о Карле Великом и Роланде, этих древних героях сицилийского фольклора. Но на некоторых повозках под изображением красивого юноши в молескиновых штанах и белой безрукавке, с пистолетами за поясом и винтовкой через плечо Майкл видел надпись в две строчки, которая всегда оканчивалась большими красными буквами — ГИЛЬЯНО.

Во время своей ссылки на Сицилии Майкл немало слышал о Сальваторе Гильяно. Его имя все время мелькало в газетах. Люди повсюду говорили о нем. Жена Майкла Аполлония однажды призналась, что каждую ночь молится за Гильяно, за него молились почти все дети и молодежь Сицилии. Они обожали его — ведь он был одним из них, такими все они мечтали стать. Хотя ему не было и тридцати, он считался великим военачальником, так как сумел одолеть посланные против него отряды карабинеров. Гильяно был красив и добр, ибо раздавал большую часть своих преступных доходов бедным. Он был благороден и никогда не разрешал участникам своего отряда приставать к женщинам или священникам. Если казнили доносчика или предателя, он всегда давал жертве помолиться и очистить свою душу, чтобы прийти к согласию с правителями мира иного. Все это Майкл уже знал.

Они свернули с проспекта, и взгляд Майкла привлекла огромная надпись, сделанная черными буквами на одном из домов. Он успел заметить в верхней строчке слово «Гильяно». Отец Беньямино наклонился к окну и сказал:

— Это одна из прокламаций Гильяно. Несмотря ни на что, ночью он по-прежнему правит в Палермо.

— А о чем она? — спросил Майкл.

— Он разрешает жителям Палермо вновь ездить на трамваях, — ответил отец Беньямино.

— Он разрешает? — улыбнулся Майкл. — Разбойник разрешает?

Стефан Андолини в противоположной стороне салона рассмеялся.

— Дело в том, что на трамваях ездят карабинеры, и Гильяно их взрывает. Поначалу он предупредил жителей, чтобы они не пользовались трамваями. А теперь обещает больше не взрывать.

Майкл спросил сухо:

— А почему Гильяно взрывает трамваи, в которых ездят полицейские?

Инспектор Веларди повернул голову:

— Потому что Рим по глупости арестовал его отца и мать за сотрудничество с известным преступником, их собственным сыном. Республика не отменила фашистских законов.

— Мой брат дон Кроче договорился об их освобождении, — не без гордости сказал отец Беньямино. — О, брат очень сердился на Рим.

Боже, подумал Майкл, дон Кроче сердился на Рим? Какого черта значил этот дон Кроче, если не считать, что он *pezzonovante*, главарь мафии.

Машина остановилась перед зданием розового цвета длиною в целый квартал. Каждый из его углов украшали голубые башенки. Перед входом с натянутым над ним широким навесом в зеленую полоску, на котором значилось «Гостиница “Умберто”», стояли два швейцара в ослепительных униформах с золотыми пуговицами. Но это великолепие не привлекло взгляда Майкла.

Наметанным глазом он окинул улицу перед гостиницей. Заметил по крайней мере десяток охранников, прохаживающихся парами или облокотившихся на ме-

таллические перила. Люди эти и не скрывали, для чего они тут. Под расстегнутыми пиджаками виднелись револьверы. Когда Майкл вылез из машины, двое из них, с тонкими сигарами в зубах, на мгновение заслонили проход, внимательно его оглядывая, словно прикидывая, какая потребуется могила. На инспектора Веларди и других они не обратили внимания.

Когда их группа вошла в гостиницу, охранники заблокировали за ними вход. Еще четверо, оказавшиеся в вестибюле, провели их по длинному коридору. Они держались так горделиво, словно служили во дворце у императора.

Конец коридора перегораживала двойная массивная дубовая дверь. Человек, восседавший в высоком, троноподобном кресле, поднялся и отпер дверь бронзовым ключом. Он поклонился, одарив при этом отца Беньямино заговорщической улыбкой.

Перед ними открылась анфилада пышных комнат; за запахнутыми окнами простирался роскошный сад, из которого доносилось благоухание лимонных деревьев. Когда они вошли, Майкл заметил, что у двери с внутренней стороны дежурят двое. Интересно, подумал Майкл, почему так охраняют дон Кроче? Он друг Гильяно, но он и доверенное лицо министра юстиции в Риме, поэтому ему нечего опасаться карабинеров, заполнявших Палермо. Тогда кого и чего боится великий дон? Кто его враг?

Мебель гостиной когда-то предназначалась для итальянского дворца — кресла гигантских размеров, диваны, длиной и шириной похожие на корабли, массивные мраморные столы, словно украденные из музеев. Они служили хорошим фоном человеку, вышедшему им навстречу из сада.

Он раскрыл объятия Майклу Корлеоне. Стоя дон Кроче был что в ширину, что в высоту почти одинако-

вым. Массивную львиную голову венчали тщательно подстриженные густые, с сединой, вьющиеся, как у негра, волосы. Глаза темные, как у ящерицы, — словно две изюминки, вставленные над мясистыми щеками. Щеки эти — два больших куса красного дерева; левая — гладкая, другая — набрякшая, со складкой. Рот был удивительно аккуратный, над ним — тонкие усики. Главным в лице был крупный, горбатый, как у императоров, нос.

Однако все, что было ниже этой императорской головы, принадлежало крестьянину. Могучую талию его охватывали огромные, плохо сидящие брюки на широких светлых подтяжках. На нем была необъятная, свежевystиранная, но неглаженная рубашка. Ни галстука, ни пиджака не было, и он ступал по мраморному полу босыми ногами.

Он совсем не походил на человека, который «клевал» с каждого делового предприятия в Палермо, вплоть до последней рыночной стойки на площади. Трудно было поверить, что он повинен в тысяче смертей. Что Западной Сицилией правит скорее он, чем римское правительство. И что он богаче, чем герцоги и бароны, владевшие огромными поместьями на Сицилии.

Порывисто обняв Майкла, он сказал:

— Я знал твоего отца, когда мы еще были детьми. Я рад, что у него такой хороший сын.

Затем поинтересовался, как добрался до него гость и не нуждается ли в чем. Майкл улыбнулся и сказал, что его устроил бы кусочек хлеба и капля вина. Дон Кроче тут же повел его в сад, потому что, как все сицилийцы, он ел по возможности на открытом воздухе.

Стол был накрыт у лимонного дерева. Он блистал изысканным стеклом и белоснежными скатертями. Слуги отодвинули широкие бамбуковые кресла. Дон Кроче